

изменен. Немцы было поступить в вуз без специального напарования, резко ограничили прием лиц непролетарского происхождения. Правда, стали требовать справку об окончании школы.

В конце 20-х годов наряду с «чистками» различных организаций проводилась и «чистка» студенческих рядов. Студенты отчаялись даже с последнего курса как скрывшие свое социальное происхождение.

Что касается профессорско-преподавательского состава, то власти за отсутствием выбора до поры до времени были вынуждены терпеть прежнюю профессуру, стараясь, однако, уменьшить ее авторитет в глазах молодежи. С этой целью в 1921 г. кафедры заменились предметными комиссиями, состоявшими из научных работников и студентов в равном числе, при этом предпочтение отдавалось партийным [2].

В 1923 г. было создано Центральное бюро пролетарского студенчества при ЦСПС, которое должно было организовать воспитательную работу среди студентов в нужном направлении. В научном плане на первое место ставились только те исследования, которые непосредственно могли служить практическим запросам хозяйства страны. Высшая школа должна была давать только практические навыки. Даже О. Ю. Шмидт на Первой всесоюзной конференции пролетарского студенчества в 1925 г. сказал: «Учебное заведение служит не для развития личностей (в узком смысле, как «научно-мыслящих» — Б. В.), а для снабжения их орудиями практических знаний и умений этими орудиями владеть» (цит. по статье Б. Воскобойникова [3]).

Фундаментальные науки считались отжившими и связывались с их носителями — университетскими профессорами, которые принимались за классовых врагов. Не случайно в газетной статье 1930 г. некого Е. Воронова есть ссылка на слова из «Политического заявления» Ф. Энгельса, опубликованного в нашей стране в 1922 г.: «...техники будут наими принципиальными противниками, они будут обманывать и изменять нам, где только возможно, и нам придется применить против них террор и расстреливать их» [4]*. Автор статьи добавил: «Если

*Слова Энгельса взяты из его письма А. Бебело от 24.10.1891, напечатанного в искаченном русском переводе с немецкого издания 1920 г. [5, с. 24-26] и перепечатанного в 1923 г. [6, с. 23-25]. При издании со-

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ЛЕНИНГРАДСКОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ»

Н. С. Ермолаева

В 1930 г. перестало существовать Ленинградское физико-математическое общество, созданное в 1920 г., возглавляемое Н. М. Гюнтером.

История этого события лежит в сфере взаимоотношений науки и власти, привлекающей внимание многих авторов. В частности, данной теме посвящена статья Н. Я. Вилсникиа [1]. Чтобы сориентироваться в обстановке, окружающей математическую жизнь Ленинграда, надо начать издалека, с 1917 г., и обратиться к политике государства в области подготовки научных кадров. Безусловно, людям, не пережившим лично события тех лет, трудно понять психологическую атмосферу той эпохи.

В 1918 г. в Петрограде начались превентивные аресты. Террор усилился после убийств В. Володарского и М. С. Урицкого. Среди жертв было немало профессоров и крупных специалистов высших военных и технических учебных заведений. Так, известно, что в 1918 г. в лагере «Медведь» под Новгородом находился в заключении профессор Морской академии И. Г. Бубнов (1872-1919), который был освобожден по счастливой случайности.

Сразу после революции в вузы приглашали без экзаменов всех желающих старше 16 лет, и если число абитуриентов превосходило число мест, то рекомендовалось отдавать предпочтение рабочим и детям рабочих. Высшая школа стала наполняться малограмотными студентами. Вскоре этот порядок был несколько

в первые годы после Октября мы «нейтрально» отнесились к нейтральности, то дальше это продолжаться не может.

Большую роль в этих событиях сыграла созданная в 1918 г. Коммунистическая академия, до 1923 г. называвшаяся Социалистической, назначение которой состояло в развитии марксистской теории. В 1926 г. в ней была организована секция естественных и точных наук, возглавляемая О. Ю. Шмидтом. Членами секции стали профессора В. Ф. Каган, Н. П. Кацерин, В. А. Костицкий, А. Я. Хингин, В. Г. Фесенков. К работе секции было привлечено большое число научных сотрудников. Эта академия просуществовала до 1936 г.

В 1928 г. при Комакадемии работал кружок математиков и физиков-материалистов. Аналогичные общества были созданы и в других областях науки: общества врачей-материалистов, биологов-материалистов, статистиков-материалистов и т. д.

Доклады, которые ставились секцией математики при Академии, носили либо философско-исторический характер, либо чисто математический. Для примера назовем несколько тем докладов, запланированных Комакадемией на 1928–1929 г. (см. [9], с. 47–49):

В. Ф. Каган. Конвенционализм и материализм в математике.
Л. А. Люстерник. Взаимоотношения между категориями качества и количества в математических науках.

Л. Г. Шнирельман. Эволюция понятия функции.

А. О. Гельфонд. Эволюция понятия интеграла.

А. Н. Колмогоров. Интуиционизм и московская школа (Н. Н. Лузина).

Л. М. Лихтенбаум. Локально-связный континuum и пространство Люстерника.

Предполагались коллоквиумы: по теории групп и ее приложениям к анализу и геометрии (О. Ю. Шмидт, Л. А. Люстерник, В. И. Глиベンко, А. О. Гельфонд); по качественным методам анализа и механики (Л. М. Лихтенбаум и Л. Г. Шнирельман) и даже семинар по прикладной математике под руководством Н. Н. Лузина.

чинений К. Маркса и Ф. Энгельса перевод со временем уточнялся: так, глагол «расстреливать» из [6] заменен словом «устранение» в [7, с. 365] и «устранением» в [8, с. 163]. Слова «террор», «расстрел» и «устранение» в [5] отсутствуют.

Не ясно, в какой мере осуществлялись намеченные планы, однако некоторые доклады повторялись на заседаниях Московского математического общества, а журналы «Естествознание и марксизм» и «Вестник Коммунистической академии» печатали статьи московских математиков.

29 декабря 1928 г. в Ленинграде была создана математическая подсекция естественнонаучной секции при Научном обществе марксизма Комакадемии, которая имела к этому времени свой филиал в Ленинграде. В нее входили А. Д. Дрозд, Л. А. Лейферт, В. В. Люш, В. И. Милинский, Е. С. Рабинович и др. (всего 16 человек). Все эти лица в научном плане интереса не представляли, а некоторые из них получили знание профессоров без научных заслуг. Их работа заключалась в «собирании материалов по марксистской литературе в вопросах математики и ее методологии», чтении докладов по историко-математическим вопросам в духе марксизма, пропаганде марксистских идей в области математики и в вопросах «постановки математического образования в СССР под углом зрения пропаганды марксизма». Но они понимали, что собственными силами успеха «не достичь, а потому надо привлечь специалистов-пемаркисстов, в первую очередь новых академиков и профессоров вузов» [10].

Лидером такого общества в Ленинграде стал Л. А. Лейферт, доцент Ленинградского университета. Сын состоятельного отца, кажется, владельца книгоиздательства, Лейферт окончил Петербургский университет в 1909 г. Будучи студентом, перенес в православие. В 20-е годы, когда социальное происхождение имело большое значение для карьеры, Лейферт всячески подчеркивал свою «революционность», не гнушаясь при этом никакими средствами. Так, благодаря его стараниям, некоторых талантливых выпускников университета, например С. Г. Михлина, не приняли в аспирантуру. Вот еще один пример, рассказаный профессором С. Н. Нумеровым. На занятиях в университете Лейферт однажды сказал: «Вот здесь сидит Нумеров. А его дед в свое время выгнал меня из гимназии». Это было ложью, да и гимназию Лейферт окончил с серебряной медалью, по некоторым студенты делили пожные им вызовы и доносил, как в случае с С. Н. Нумеровым.

Итак, к 1930 г. аполитичности власти было уже мало. Начинаются перевыборы профессуры. Этому мероприятию посыпал

статью в «Известиях» А. Я. Вышинский, в то время бывший ректором Московского университета. Он яростно клеймил «сказывания типа «наука объективна» или «Ньютон и без марксизма открыл свои законы», а профессуру называли классовым врагом [11].

Принцип выборности в высшей школе заменился системой назначения, зато студенческие организации были освобождены «от административно-педагогических функций» [12]. Теперь полагалось «ректорами назначать крупных партийных организаторов, главное — стойких, пусть и менее опытных в деле высшего образования» [13, с. 57]. Кстати, в 1930 г. название «ректор» и «декан» были заменены на «директор» и «заведующий», как на предприятиях, так как прежние означали звания, которые носили главы монастырей и настоятели монастырей — об этом поведал читателям «Известий» Вышинский [14].

Все общество, не исключая и высшую школу, должно быть пронизано идеей колLECTivизации, провозглашенной на XVI съезде ВКП(б). Немного позднее начали пропагандировать другой лозунг — о планировании всего и вся. Вместе с марксистской диалектикой все это начали внедрять и в математику. Газета «Ленинградская правда» в передовой статье писала: «Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам остается немногое: изучить технику, овладеть наукой» [15].

В Москве главным математическим идеологом становится Э. Я. Колльман. Одна за другой в газетах и журналах появляются его статьи (см., например, [16–24], а также передовую статью в [25], где подпись автора нет, но нетрудно догадаться, что ее писал Колльман). Суть всех этих статей, как и аналогичных других авторов, состоит в следующем.

Именно математика, внешне самая аполитичная наука, явилась средоточием реакционной буржуазной философии, в том числе интуиционизма и конвенционализма. Самой реакционной является московская математическая школа, которая объявила себя вне политики. «Так говорили Васильевы, Богомоловы, Флоренские и печатали свои мистические, махрово-идеалистические сочинения; так говорили Егоровы, затаяв смертельную ненависть к социалистическому строительству; так мотивировали и те математики, которые уклонились подписать воззвание к за- граничным ученым по поводу вредительства» [25, с. 7].

В числе же подписавших упомянутое воззвание был и Н. Н. Лузин, на которого Колльман неоднократно, хотя и однозначно, обращал жало своей критики [18–22, 25].

Работы интуициониста Лузина — «пустые абстракции». Это положение Колльман обосновывает на примере задачи об охлаждении стержня (к работам Лузина, кстати, не имевшей отношения). При этом, по Колльману, получается, что Лузин берет «за основу континuum, из которого выбрасывается все имеющееся рациональные ординаты точек, и таким образом получает абсолютную дискретность, еще менее применимую в действительности, чем абсолютная непрерывность» [20, с. 34]. Корень зла, мол, в том, что математики не могут «диалектически понять единство прерывного и непрерывного, статического и динамического» [20, с. 34]. И вообще математика — не царина наук, она всегда была служанкой физики, механики, химии [23, с. 6]. Математику, как и всю науку надо перестроить на марксистских началах, а выдвижение новых проблем в науке должно происходить в плановом порядке [16]. Как это сделать? Колльман дает следующий ответ.

Во-первых, математика не должна быть оторвана от практики (единство теории и практики). Во-вторых, надо оставить в математике только передовые методы, причем унифицировать их. Далее надо отказаться от формальной логики, от аксиоматики в теории вероятностей. Затем «создать на высшей основе синтез арифметики, алгебры и анализа, уничтожить разрыв между прерывностью и непрерывностью» [21].

Есть и конкретные советы: Колльман предлагает «суммировать вероятностным путем» [21]. Кроме того, «мы должны развивать математику в сторону дальнейшего уточнения качественных различий в области самого количества», а математики должны усвоить себе «действительную связь между конкретным и абстрактным». Основной путь для достижения всего этого «состоит в изучении истории развития самой науки методом Маркса-Энгельса-Ленина» [22].

Конечно, положительные примеры в нашей математике тоже есть. Колльман оценил только один: внедрение Л. А. Люстерником и Л. Г. Шнирельманом топологических методов в вариационное исчисление [22]. А вот С. А. Яновская восторгалась учебником по статистике [26] под редакцией Б. С. Ястребского

и В. И. Хотимского, в котором марксистская методология позволила авторам создать новое учение о средних, применимое для планового хозяйства [27, с. 30]. Авторы этой книги в своих публикациях по математической статистике всячески оханвали А. А. Маркова, А. А. Чупрова, Е. Е. Слудского, а также западных статистиков, в частности, Ч. Пирсона и его теорию корреляции.

Реорганизация науки, по Колыману, — «важнейшая слагающаяся в переделке миллионов людей, столь четко поставленная Сталиным» [25, с. 8]. И очень негодовал Э. Я. Колыман, что не получается командовать наукой, хотя он и ему подобные и путь указали, и все условия создали, а именно: «Мы готовы подпи-

сывать договоры на содсревнивание, делать разные декларации

по поводу плановой работы» [20, с. 38].

Справедливости ради следует заметить, что порой у Колымана были и вполне здравые высказывания, но они поддавались как его личное открытие в противовес всем прочим творцам науки. В математической жизни страны в 1930–1931 гг. произошли важные изменения.

В Москве Математическое общество «исключило реакционеров» (Егоров, Фиников, Аппельрот). Оно расширилось за счет аспирантуры, включило прежний научно-педагогический кружок. Теперь Общество ведет борьбу за новый президент: Колыман, Выгодский, Хотимский, Гельфонд... и др.» [28]. В декларации инициативной группы по реорганизации математического общества с негодованием отмечалось: «На арест своего председателя [Д. Ф. Егорова — Н. Е.] Общество никак не реагировало и назначило обычное деловое заседание с докладом ближайшего соратника Егорова по институту и Обществу Филикова и исключенного только что из комсомола Куропта» [29, с. 70]. (Как известно, Д. Ф. Егоров был арестован и выслан в Казань, где в 1931 г. погиб в «спецбольнице».)

Что касается О. Ю. Шмидта, который в это время уже не возглавлял математическую секцию в Комакадемии, то его обвиняли в «неправильной идеологической позиции в отношении математики» [27, с. 38] (статья «Ангебра» в БСЭ) и в том, что многие немарксистские высказывания в печати проходили «при молчаливом покровительстве Шмидта» [30, с. 16] и т. д.

В отличие от ленинградской, столь же инициативной, группы в московскую входили талантливые математики. Они же заняли

места в редакции «Математического сборника».

События в Ленинграде развивались несколько иначе, хотя сценарий был похожим.

Группа Лейфера, ориентируясь на Колымана, Яновскую и Выгодского, пыталась также выступать с докладами по проблемам обоснования математики, но для этого она не была достаточно компетентной и посему ограничивалась общими фразами по историко-математическим вопросам и вопросам преподавания с марксистских позиций [31]. В 1931 г. были созданы бригады (коллективизм в работе!) разного толка, в том числе и по проработке трудов профессора С. А. Богомолова и методологических установок в трудах академика В. А. Стеклова.

Первая из этих двух бригад выступила 20 мая 1931 г. на диспуте в Педагогическом институте против книги Богомолова «Эволюция геометрической мысли», о которой уже писал Колыман в 1929 г. [24], обвиняя ее автора в идеализме. Критиковалась и вся деятельность Общества ревнителей математического образования (ОРМО), неизменным председателем которого с основания Общества в 1924 г. был С. А. Богомолов. В резолюции этой дискуссии, проходившей под председательством Лейфера, Богомолову предлагалось письменно признать свои «ошибки». В результате ОРМО перестало существовать [32, с. 39–48].

Деятельность второй бригады по критике трудов В. А. Стеклова, видимо, не состоялась. Можно предполагать, что здесь имела место ввиду прежде всего книга Стеклова «Галилео Галилей» [33], написанная в 1920 г. и изданная в 1923 г. В этой книге, где речь шла о весьма отдаленной эпохе, Стеклов проводил достаточно прозрачную параллель между церковной властью и правящей партией, выступал против «беснющейся диалектики». Организованный выпад против Стеклова не состоялся, вероятно, потому, что академик Стеклов, скончавшийся в 1926 г., сотрудничал с советской властью и должен был служить в глазах потомков образцом лояльности. Кроме того, если критику обратить против другой книги Стеклова — «Математика и ее значение для человечества», то неизбежно будет упомянута и книга о Галилее, а привлекать к ней внимание, да еще цитировать — рискованно.

Главным своим достижением Лейфер и его группа считали работу «по расслоению ленинградских математиков». Они не без

основания считали, что в Ленинградском университете сформировалась три группы математиков. В «правую» группу входили Н. М. Гюнтер, В. И. Смирнов, Г. М. Фихтенгольц, в «левую» — упоминавшиеся уже Лейферт и Дрозд, а также Куллипер и прочие. Третья — «промежуточная» — группа состояла из «любопытных» И. М. Виноградова и А. М. Журавского. Видимо, такой классификации подвергались все ленинградские математики.

На более позднем этапе группа Лейфера сумела привлечь к себе Виноградова и некоторых других сильных математиков. Кампания против председателя Ленинградского математического общества Н. М. Гюнтера была начата перед выборами в Академию наук СССР, состоявшимися в 1929 г., причем альтернативной кандидатурой в академики от ленинградских организаций был И. М. Виноградов, которого и избрали. Добавим, что еще в 1926 г., обсуждая возможных кандидатов в Академию наук на место скончавшегося Стеклова, академик Я. В. Успенский, хорошо относившийся к Гюнтеру и бывший его близкий соратником по Математическому обществу, писал академикам соратнику: «Я считаю наиболее сильным из них [т. е. С. Н. Бернштейна, Н. Н. Лузина, Н. М. Гюнтера и С. А. Чаплыгина — Н. Е.] с научной стороны Гюнтера, но как Вы знаете, у него есть свойства в изложении всего, что он делает, я бы сказал, портить самому себе, вследствие чего работы Н. М. оказываются неудобочитаемы, а об их авторе складывается отчасти неправильное представление. К тому же не говорят в пользу Н. М. известная наименность его общественных выступлений, приступающая, правда, из самых лучших побуждений. По всем этим причинам отстоять кандидатуру Гюнтера будет довольно трудно» [34, л. 1 об.].

Гюнтер и руководимое им Физико-математическое общество обвинялись в отсутствии связи с советской общественностью, в малоучастности самого общества, в отказе от внедрения dialectического материализма в математику, в том, что общество не двинулось «навстречу походу за техническими знаниями» [30, с. 37]. Значение научных работ Гюнтера всячески умалялось на диспутах и в печати, разумеется, голословно. Общество обвинялось и в том, что «не подняло своего голоса, когда близкие Н. М. Гюнтеру профессора — Я. Д. Тамаркин, А. С. Безикович,

а в самое последнее время бывший академик Я. В. Успенский, игравший видную роль в Обществе, один за другим эмигрировали» [30, с. 37].

Ситуация обострилась на Первом всесоюзном съезде математиков, проходившем в Харькове 24–29 июня 1930 г., когда московские и ленинградские математики-материалисты требовали послать приветствие проходившему в то же время XVI съезду партии. Академик С. Н. Бернштейн, Д. Ф. Егоров, Н. М. Гюнтер и некоторые другие математики считали такой акт неуместным и ненужным. Приветствие, видимо, так и не было отправлено, иначе бы в брошюре [30], о которой еще пойдет речь, компания Лейфера не писала бы только о своей борьбе за приветствие. (По сведениям, полученным от члена-корреспондента АН Украины А. Н. Боголюбова, после съезда С. Н. Бернштейн, опасаясь ареста, вынужден был уехать из Харькова). Зато на следующем съезде в Ленинграде в 1934 г. все нужные телеграммы с приветствиями были посланы — иное было уже немыслимо.

Продолжать, как прежде, работу Ленинградского математического общества в такой моральной обстановке было весьма опасно, а потому, по совету В. И. Смирнова, Общество без всякого объявления прекратило свою деятельность осенью 1930 г. [35, с. 6].

Однако год 1930–1931 — год «великого перелома» — продолжался. Научное общество марксистов объединилось с обществом воинствующих материалистов-диалектиков, а затем в сентябре 1930 г. из него выделилось Общество математиков-материалистов при Ленинградском отделении Коммунистической академии, причем Лейферт стал его председателем. Общество получало конкретные инструкции не только от партийного руководства, но и от Кольмана, специально приезжавшего в Ленинград и 21 марта 1931 г. выступившего с докладом; другой его доклад 27 апреля 1931 г. был опубликован [21]. Приезжали в Ленинград с установочными докладами Яновская и Хотимский.

Новому Обществу срочно требовалось участники, и их в мас-совом порядке вербовали, так что к ноябрю 1931 г. их было уже 88 человек, преимущественно аспирантов. Из известных в математических кругах лиц назовем Г. М. Голузина, Б. М. Делоне, Л. В. Канторовича, Н. М. Крылова, В. И. Кирюхина, В. И. Кордовича,

на, И. П. Натансона, Б. И. Сегала, В. А. Тартаковского, Д. К. Фадеева, Г. М. Фихтенгольца.

Можно полагать, что молодежь частично была привлечена жеманiem революционных перемен в математике, частично была вынуждена вступать в Общество, раз так надо и все вступают. Преподавательские кадры, вероятно, спротивились считали, что в случае бойкотирования они будут отстранены от работы. Впрочем, причины у них могли быть разными.

Новое общество, как уже говорилось, было заинтересовано в «массовости». Единственный математиком, предварительная записка которого о приеме его в члены этого общества была отклонена «ввиду неясности позиции, занимаемой подающим в настоящее время» [36], был доцент, позднее профессор Ленинградского университета О. К. Житомирский. В этой записке он писал: «Желая принять участие в положительной работе общества, прошу принять меня в состав членов» [37].

30 марта 1931 г. «инициативная группа» математиков, часть которых ранее была членами Ленинградского физико-математического общества, выступила с декларацией своей активной в духе времени позиции и заявила о создании Ленинградского отделения Математического общества РСФСР. (Поясним, что предполагалась организация Республиканского математического общества или, как его называли, «широкого общества» [30, с. 36–38]. Однако эта гигантская организация оказалась нежизнеспособной.) Декларацию подписали: академик И. М. Виноградов, профессора и научные работники Б. Н. Делоне, А. В. Дыман, Л. В. Кантрович, Д. К. Колль, А. Р. Кулишер, Э. Э. Лебедев, И. Ф. Лохин, В. В. Лош, Б. И. Сегал, И. А. Скопин, В. А. Тартаковский, Г. М. Фихтенгольц.

В конце 1931 г. вышла в свет брошюра «На Ленинградском математическом фронте» [30], подготовленная Обществом математиков-материалистов. Вступительная статья с таким же названием анонимна, но написана явно не без влияния, а может быть, и участия Колльмана. Что касается заголовка, то он стандартен для того времени: повсюду были различные «фронты» — технический, медицинский, культурный, хозяйственный и т. д.

В брошюре описывалось положение на «ленинградском математическом фронте» с историческим экскурсом, определившись

новые задачи Математического общества и приводились документы: декларации и проект устава Общества математиков-материалистов, декларация инициативной группы по реорганизации Ленинградского физико-математического общества и некоторые другие, в том числе письмо Н. М. Гонтера в редакцию газеты «Ленинградский университет» и письмо С. А. Богомолова в редакцию газеты «За коммунистическое просвещение».

Письмо Гонтера с признанием «опшибок» новоявленное Общество только приняло к сведению, почувствовав за якобы покаянными строками, что Гонтер все равно остался Гонтером.

Прошло немногого времени, и вот на заседании партийно-комсомольской фракции Общества математиков-материалистов 21 февраля 1932 г. собравшиеся с изумлением узнали, что только Л. А. Лейферт снят со всех руководящих постов за то, что только «прикрывался диалектическим материализмом», проводя «погорхностную критику установки буржуазных математиков», что им «в самом толковании диамата допущены грубейшие ошибки», что по существу «никакой работы не было, за исключением брошюры «На Ленинградском математическом фронте», которая по своему содержанию представляет весьма скучную в идеологическом отношении почву», а также за допущение «левадских загибов» и за то, что «борьба с буржуазно-реакционной частью профессоров носила декларативный характер» [38].

Оказывается, Лейферт был снят директоратом и партийной ячейкой Института естествознания при Ленинградском отделении Комакадемии, где он работал по совместительству так же, как и в Педагогическом институте. Директорат поставил вопрос и о дальнейшем существовании Общества математиков-материалистов. Тем не менее, на следующем заседании 1 марта 1932 г. фракция, согласившись со снятием Лейфера, решила продолжить свою деятельность и выбрали своим председателем Е. С. Рабиновича.

Снова стали составляться планы, снова говорилось о партийности в истории математики, а критика шла уже в адрес Московской математической школы. Но, видимо, поступили новые инструкции, и 19 мая 1932 г. Е. С. Рабинович заявил о слиянии Общества математиков-материалистов с «широким математическим обществом».

Несколько слов о дальнейшей судьбе Л. А. Лейферта. Он был переведен, а тотнее, выслан в университет в Ростов-на-Дону (такая мера применялась в то время часто), и ленинградские математики вздохнули с облегчением. Документальными сведениями о Лейфере после ростовского периода мы не располагаем, есть только легенды, а потому процитируем версию Н. Я. Виленкина: «В дальнейшем он поменял несколько городов и в конце 30-х годов оказался в Воронежском университете, где продолжал заниматься травлей ученых. По дошедшему до автора рассказам, Лейферт пытался преследовать известного советского геометра Н. В. Ефимова, работавшего тогда в Воронеже. Однако ночью накануне собрания, где должно было разбираться дело офицерского сына Н. В. Ефимова, Лейферт был арестован и, судя по всему, расстрелян, так как был связан с учениками Н. И. Бухарина из Коммунистической академии» [1, с. 98]. Лейферт сыграл свою роль, и властям больше не был нужен.

На Втором всесоюзном съезде математиков в 1934 г. «нужная» фразеология использовалась достаточно широко, но математики, в частности А. Н. Колмогоров, старались вложить в эти слова разумный смысл. Так, например: да, нужен колLECTИВИЗМ в работе — семинары, конференции, общение математических школ разных городов и т. д.

На этом кончается история «Ленинградского математического фронта». На фоне дальнейших событий в жизни страны она, может быть, кажется довольно безобидной. Но сколько сил, нервов было затрачено, сколько творческих замыслов не было реализовано — подсчетам не поддается. Есть только факт — Ленинградского математического общества в городе не стало, оно возродилось только в 1959 г.

В заключение приведем слова В. А. Стеклова из его книги «Галилео Галилей» [33, с. 98–100]:

«Здравомыслящие люди поняли, что даже практически вынужденные хотя бы молчаливо подчиняться строгим выводам точной науки, чем осмеливаться выступать против них с заведомо непререзать всех не лишенных здравого смысла людей, как турки во времена не столь давние задумывали перерезать всех армян, спротивились видя в этом единственное средство против их сепаратизма.

...С точной наукой и эта мера является средством только неторопливым. Род человеческий не перевелется, вместе уничтоженных народятся новые, и часть из них наверно не без здравого смысла, по крайней мере. И тогда начнется прежняя история и по-прежнему невежество потерпит в конце концов крушение.

...Не подлежит никакому сомнению, что многие высшие представители римского духовенства отлично понимали спра-ведливость учений Галилея и в душе были вполне на его сто-роны. Тем не менее принуждены были говорить против доводов, не скажу — своей совести, — совесть ведь растижимая, а своего ума, заглушить стропые веления которого, если они строги, как в математике, невозможно. От них требовалась того строжайшая партийная дисциплина той изумительной стройно организованной партии, постепенно захватившей в свои руки всю полноту власти, которая именовалась «св. католической церковью».

Эта партия, в ослеплении своем от достигнутых ею успехов,

вздумала подчинить своей строжайшей дисциплине и светский гений чистого разума! И здесь потерпела фиаско. Не сообразила, что свободный ум тонкого исследователя и мыслителя никаким заранее определенным и всегда неподвижным лозунгам никакой партии никогда подчиняться не может. Не было, нет и не будет такой силы, которая заставила бы его подчиниться этому требованию!

...Партия для поддержания своих интересов первостепенной важности требует лозунга: земля недописана. Всю силу вла-сти заставляет ученого признать этот лозунг, грозит штрафами, смертью; но ничто не помогает: одни сгорают живьем, не имея способности отказаться от противоположного лозунга, спрavedливость, которого доказана разумом, другие издаются над силою этой власти, обходят, обманывают ее, как Галилей и многие из друзей его, но остаются при своем, ибо от велений строгой и свободной мысли физиологически невозможного, убивает рано или поздно свой собственный авторитет.

С наукой дьявольской ни в каком отношении шутить нельзя, и ее служителям должна быть предоставлена полная во всех отношениях свободы, и весь мир должен чутко прислушиваться к ее гениальным откровениям, которые проносятся над миром

из века в век поверх всяких условностей данного исторического момента.»

Указатель литературы

1. Виленкин Н. Я. Формулы на фанере // Природа. 1991. № 6. С. 95-104. № 7. С. 77-83.
  2. Браславский И. Первое десятилетие советской высшей школы (1917-1927) // Вестник высшей школы. 1957. № 11. С. 36-45.
  3. Воскобойников Б. Н. Доклады О. Ю. Шмидта о перестройке высшей школы // Истор. архив. 1961. № 6. С. 225-226.
  4. Воронов Е. Интеллигенция и первые выборы советов // Известия ЦИК СССР. 1930. 20 января. № 20 (4227).
  5. Engels F. Politisches Vermaechtnis. Aus ueberoffentlichen Briefen. Berlin, 1920.
  6. Энгельс Ф. Политическое завещание. (Из неопубликованных писем) М., 1922. То же: М., 1923.
  7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1949. Т. 28.
  8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. / Изд-е 2-е. М., 1965. Т. 38.
  9. План работ Коммунистической Академии на 1928-1929 год. М., 1929.
  10. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 107.
  11. Вышинский А. Первые выборы профессуры // Известия ЦИК СССР. 1930. 3 января. № 3 (3850).
  12. О подготовке технических кадров народного хозяйства // Известия ЦИК СССР. 1930. 14 января. № 14 (3861).
  13. Вестник высшей школы. 1957. № 11.
  14. Вышинский А. Итоги ректорского совещания // Известия ЦИК СССР. 1930. 29 января. № 28 (3875).
  15. За всеобщее техническое обучение // Ленинградская правда. 1931. 6 июня. № 154 (4875).
  16. Колльман Э. Только на основе марксистско-ленинской теории можно перестроить науку // Известия ЦИК СССР. 1931. 11 апреля. № 100 (4907).
  17. Колльман Э. Современные задачи математиков и физиков-материалистов // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 122-130.
  18. Колльман Э. Политика, экономика и... математика // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 27-40.
  19. Колльман Э. На новых путях // Фронт науки и техники. 1931. № 6. С. 10-15.
  20. Колльман Э. Боевые задачи науки и техники и роль Коммунистической академии // Планирование науки и задачи Комакадемии и Академии наук. М., Л., 1931. С. 26-40.
  21. Колльман Э. Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции // На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М., Л., 1931. С. 203-215.
  22. Колльман Э. Предисловие // Листинг И. Б. Предварительные исследования по топологии. М., 1932.
23. Колльман Э. Математические науки — пролетарским кадрам // Математические науки пролетарским кадрам. М., Л., 1931. С. 5-8.
24. Колльман Э. Божественная эволюция геометрической мысли (по поводу книги проф. Богомолова «Эволюция геометрической мысли») // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 157-159.
25. На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М., Л., 1931.
26. Боярский А. Я., Ястребский Б. С. и др. Теория математической статистики. М., 1931.
27. За поворот на фронте естествознания. М., Л., 1931.
28. Реорганизация Московского математического общества // Математическое общество // Научный работник. 1930. № 11-13. С. 67-71.
30. На Ленинградском математическом фронте. М., Л., 1931.
31. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 225. Оп. 1. № 103.
32. Беспамятных Н. Д. Степан Александрович Богомолов. Л., 1989.
33. Стеклов В. А. Галилео Галилей. Биографический очерк. Берлин, 1923.
34. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 759. Оп. 3. № 258.
35. Вершик А. М. О ленинградском математическом обществе // Тр. Ленингр. мат. о-ва. 1990. Т. 1. С. 4-8.
36. С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 263. Оп. 1. № 1.
37. Там же. Оп. 1. № 2.
38. Там же. Оп. 1. № 3.